

Геннадий МУРЗИН

**НАДО
ЖИТЬ УМЕЮЧИ**

(Архетипы нового века)

Геннадий Мурзин

**Надо жить умеючи.
Архетипы нового века**

«Издательские решения»

Мурзин Г.

Надо жить умеючи. Архетипы нового века / Г. Мурзин —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-963684-3

Три архетипа, созданные автором, положены в основу этой книги. С одной стороны, главные герои разные, а с другой стороны, если внимательно и непредвзято приглядеться, у них немало общего. Каждый из них избрал один принцип: надо жить умеючи. Избрав, твердо его придерживаются. Тот же столичный градоначальник, решивший поспорить с природой. Или, скажем, хозяин губернии, чуть не ставший президентом Уральской республики. И, наконец, могущественный чиновник, перемудривший самого себя.

ISBN 978-5-44-963684-3

© Мурзин Г.
© Издательские решения

Содержание

Предисловие к книге	6
Завязочки и развязочки	6
Счастливая семейка	8
1. Мужичок в кепке	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Надо жить умеючи Архетипы нового века

Геннадий Мурзин

Редактор Геннадий Иванович Мурзин

Фотограф Геннадий Иванович Мурзин

© Геннадий Мурзин, 2019

© Геннадий Иванович Мурзин, фотографии, 2019

ISBN 978-5-4496-3684-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Побережье Черного моря, а точнее – героический Севастополь. Писатель и журналист Геннадий Иванович Мурзин. Автопортрет, январь 2019.

Предисловие к книге

Завязочки и развязочки

Счастливы ли нынче россияне?.. Тфу-тьфу! Изydi, Сатана, изydi! Это не я, это, клянись, нечистая сила подталкивает задаваться сим вопросом. Кабы я... Ни в жизнь бы!.. Могу поклясться на Святом Писании. Ну, какие вопросы, Бог мой?! Конечно же, счастливы! Скажу больше, бесконечно и безудержно счастливы. Взгляните на лица – и сами всё поймете. Как говорится, лучше один раз увидеть, чем тыщу раз услышать. Особенно нечего слушать тех, с Запада. Они ведь кто есть? А самые настоящие злопыхатели, агенты-злоразычники, несущие к нам всякую заразу, пытающиеся всеми силами измазать нас дегтем. Это ведь они выдумывают небылицы разные и рассеивают их по миру. Нет, надо же додуматься до такого, что сравнить по уровню жизни мою страну с Венесуэлой, то есть загнать во вторую сотню в мировом списке?!¹ Пусть отсохнут их языки, позволяющие этакое ляпать; пусть отвалятся их лапы, строящие подобную размазню! Нет, я так вот прямо, несмотря на косые взгляды Цензурного Комитета, выражусь: моя страна – самая счастливая, а весь остальной мир ей завидует, а потому полыхает, будто Змей-Горыныч, злобой. Не надо, ребята, раскачивать нашу лодку: ничего из этого не выйдет; нас, мужики, непросто раскачать; силы потратите несметные, а в итоге – пшик выйдет.

Ну, с другими понятно. А я? Счастлив ли? Ну, может, чуть-чуть поменьше всех прочих, но все равно счастлив и рад до бесконечности. Иногда, правда, позволяю себе что-нибудь буркнуть непотребное, но тут на меня наваливаются всей своей многомиллионной массой россияне и начинают воспитывать.

– Ты чего, – орут, – сволочь растакая-рассякая, хайло раскрываешь? Какого рожна тебе, – пуще того базлают, – еще надо? Жив покуда, – убеждают, – и за то благодари. Дышишь, – многозначительно так добавляют, – кислород по-прежнему не перекрыт – это ли, – уверяют меня, – не самое большое благо, за которое надобно в церкви в знак благодарения свечечки ставить и лоб об пол расшибать.

Я ведь что? Согласный... как и все россияне. Каюсь и исправляюсь. Вон, мои сочинения. Взгляните. Чем заканчиваются? Хеппи-эндом непременно, то есть счастливой для всех действующих лиц развязкой, иначе говоря, от меня веет одним позитивом, тем самым позитивом, который внедряется в мое сознание последние, как минимум, пятнадцать лет.

Конечно, не стану это глубоко прятать, хочется чего-то большего, то есть быть счастливее, встать вровень с избранными, почувствовать себя, как и они, безмерно счастливым, иначе говоря, чтобы и у меня, кроме кислорода, которым дышу, было абсолютно всё, что бы душенька моя не пожелала. Слишком многого хочу? Так ведь, сами же знаете, аппетит-то приходит когда? Во время еды, славные вы мои, во время еды!

К тому же вопрос о счастье – философский; глубок и многогранен; наука, особенно марксистско-ленинская, претендующая на истину в последней инстанции, трактует...

Первое. *Счастье – это понятие морального сознания, обозначающее такое состояние человека, которое соответствует наибольшей внутренней удовлетворённости условиями своего бытия.* А раз так, то вправе ли я и все другие россияне бурчать по поводу того самого

¹ В две тысячи девятнадцатом году, правда, Россия оставила Венесуэлу, успешно строящую у себя социализм с латинской спецификой, позади. Потому что, во-первых, венесуэльцы, в отличие от россиян, взбунтовались против тамошних управителей; во-вторых, тамошняя инфляция, в отличие опять-таки от мизерной российской, составляет тысячу процентов в... день (здесь и далее *примечания автора*).

нашего бытия, которое, кстати говоря, определяет сознание, поскольку мы удовлетворены полностью и окончательно? Нет и нет!

Второе. *Счастье – это понятие имеет историческое и классово определенное значение, а посему, по мнению марксистов, носит нормативно-ценностный образ.* Понятно вам? Если, к примеру, исторически так получилось, что я сподобился появиться в сей стране, то и обязан довольствоваться ею предписанным счастьем. С другой стороны, если принадлежу к классу наших же пенсионеров, то надлежит мне быть счастливым от пенсионера, положенного именно мне установленной нормой и не хныкать по поводу того, что от пенсионера (после обязательного взноса в кормушку страны) ничего не остается и на сладости или фрукты нечего страшно тарашить глаз.

Третье. *Критикуя буржуазно-индивидуалистическое понимание счастья, классики марксизма-ленинизма подчёркивали, что стремление человека исключительно к личному в отрыве от общественных целей вырождается в нечто, попирающее интересы других и морально калечит носителей.* Так-то вот: никакого эгоизма и лучше, если о нем даже не вспоминать, а в противном случае все станем калеками, выродимся в моральных уродцев. И пример Запада – наглядное тому свидетельство: мы – процветаем, становимся чище и краше, а они – все гаже и гаже, ибо гниют прямо-таки на корню, распространяя по планете свое мерзкое зловолие.

Четвертое. *Маркс, основоположник своего понимания счастья, видел его в неустанной и кропотливой борьбе. И оно противоположно всем обывательским представлениям. Это не идиллическое состояние удовлетворённости существующим положением, а, напротив, постоянное стремление к светлому будущему и преодоление препятствий на пути к нему, не достижение собственного благополучия, а полное развитие и использование своих способностей в сознательной деятельности, подчинённой достижению общих целей.* И никак не иначе: мирись с настоящим. каким бы оно ни было, забудь о сегодняшнем, о том, что кошелек твой наполовину пуст, наоборот, представь, что он наполовину уже полон, и борись за то, что когда-то, возможно, и будет, то есть кошелек наполнится до краев. Только в этом случае получишь удовлетворение от счастья, ощутишь его в полной мере.

Своим случайным экскурсом в науку хочу читателю лишь объяснить, что преамбула неслучайна. Преамбула многое может объяснить из того, что будет мною изложено ниже.

А ниже, между прочим, попробую рассказать о некоторых элементах жизни лишь трех весьма-таки счастливых семеек, до чрезвычайности счастливых ячейках общества; попробую доказать, что несметное счастье обретается в отчаянной и неусыпной борьбе, коей отличаются мои герои и к которой, напомню, призывал Маркс.

Ну, а если что не так, то можете забросать меня камнями-булыжниками пролетариата.

Счастливая семейка

1. Мужичок в кепке

Итак, вот она, та самая счастливая из самых счастливых семеек. В ней, то есть в счастливейшей семейке, – трое сознательных членов.

Во-первых, главарь клана, мужичок в кепке; мал росточком (впрочем, его ныне живущие покровители не выше), однако шустрый до ужаса, живчик этакий; правда (прошу пардону за постоянные оговорки), еще каких-то четверть века назад о нем никто и слыхом ни слыхивал. Да, был никем, средним инженерешком на одном из столичных заводов, однако стал... И это куда важнее. Видимо, боролся по-настоящему, чтобы из одного класса перейти в другой. И перешел. Время тогда благоприятствовало таким: бури бушевали в стране и выживали лишь самые счастливые.

Поначалу мужичок в кепке держался в тени, осторожничая, присматривался к окружающей обстановке. Не пацан, чтобы горячиться, а под пятьдесят уже тогда было. Соображать должен был, взвешивать все «за» и все «против». Сообразив, наконец, вступил в игру. Весьма хорошо, профессионально повел свою партию. Прежде всего, удачные ставки сделал, поставив на ту лошадку, на которую тогда следовало. Лошадка, после упрямой и потливой гонки, оставив позади всех конкурентов, у которых были куда большие преимущества, пришла первой. Значит? Приз – в кармане у игрока, то есть у того самого мужичка в кепке. На него обратили внимание: мал, дескать, да удал.

Тот, который в результате отчаянной борьбы за выживание, за личное и общественное счастье, тогда оказался на Олимпе, глядя сверху вниз (русским богатырем он смотрелся, если не Ильей Муромцем, то Алешей Поповичем точно), похлопав покровительственно мужичка в кепке могучей дланью по плечу, приблизил к себе. Ну, а тот, то есть мужичок в кепке, не будь дураком, смекнув, что и почем, принялся за верную службу. А богатырь? Смотрит на служивого и нарадоваться не может: таких-то преданных слуг у него, на которых можно опереться, – раз, два и обчелся.

А мужичок в кепке того больше старается. На площадях, при скоплении народа столичного орет здравницы, бывало, так, что из одного неприличного места, кажется, росток подается. Про таких при царях-императорах говорили: *без лести предан*. Ну, а преданность нуждается в поощрениях.

Богатырь, надобно заметить, душой щедр был и своих людей обласкивал, в том числе и мужичка в кепке. Так что вскоре он стал на глазах полнеть и розоветь. А это о чем свидетельствовало? О том, что мужичок в кепке, похоже, зажил лучше прежнего, счастливее.

Не прошло и года, как мужичок в кепке стал уже столичным градоначальником. Предшественник-то был, конечно, прожженным демократом и либералом (Павлов его фамилия), но управленцем оказался ни к черту, точнее, ни Богу свечка, ни Черту кочерга. И что? Ушли его.

Новенький градоначальник, засучив рукава, принялся за вверенное народом дело. И не зазнался: по-прежнему славил почем зря главного государственного правителя, то есть того самого русского богатыря, похожего на Алешу Поповича.

Но... До поры, до времени. Будучи в ином статусе, вновь стал присматриваться к внутренней государственной кухне, к закулисию, значит. И не мог не сообразить, что в окружении покровителя его не всё ладно. Да и сам покровитель, несмотря на внушительную по-прежнему внешность, стал сдавать, побаливать, терять былое могущество и мощь богатырскую. Хуже того, стал заговаривать, что ему пора уйти на покой. Этого делать он не должен был. Главный

государственный правитель должен был сначала всех скрутить в бараний рог, чтобы окружение даже помыслить о чем-то худом боялось, а тут же... Телевидение, пресса полощут почему зря, а он – хоть бы ухом повел в их сторону. Будто так и надо, так и должно быть в новой исторической обстановке.

Не лучше и ближний круг. Все стали плести интриги, толкаясь локтями, затеяли возню за место под солнцем. Иные вынашивали мысли взлететь на Олимп, спихнув ослабевшего правителя.

Мужичок в кепке, глядя на возню, понял: его лошадка, на которую он ставил и выигрывал, выдохлась и плетется еле-еле. Что делать? Одно: чтобы не оказаться в проигрыше, надо менять игру. И он начинает публично пофыркивать на своего вчерашнего покровителя; вместо прежних хвалебных од и здравиц, полилась из его уст хула. И такая, что... С подачи мужичка в кепке заговорили о том, что семья правителя погрязла в коррупции, что жиреет до неприличных размеров. Конечно, никаких конкретных фактов не было (во всяком случае, в вездесущем списке журнала «Форбс» среди самых богатых россиян ни одной фамилии членов этой семьи не значилось), но... Главное облить помоями, а пусть-ка они отмоются потом. К тому же у русских есть поговорка: дыма без огня не бывает.

Этот правитель, оболганный своими же соратниками, ушел в отставку. Уходя, попросил у народа прощения, если что-то сделал не так.

Его место занял другой, но с благословения уходящего. Более того, уходящий создал приходящему решим наибольшего благоприятствования, стало быть, укрепиться на вершине властной пирамиды последнему было проще пареной репы.

Пришедший, оглядевшись и оправившись от свалившегося неожиданно-негаданно счастья, поманил пальчиком мужичка в кепке и шепнул на ушко:

– Помню... Хвалю... Молодчина...

Мужичок в кепке, ухмыльнувшись, сделал вид, что не понимает нового правителя, и заскромничал:

– Так это... Ну... Рад стараться, конечно, но... Не за что... Пока не заслужил...

Новый правитель, чуть-чуть сердясь, прервал:

– Не валяй Ваньку! Кто, как не ты, первым повернул паруса своей шхуны, изменил курс, выбрав самый правильный?

Мужичок в кепке понял сплошные аллегории, но, опустив махонькие глазки и продолжая скромничать, заметил:

– Не только я... Были и другие.

– Верно, были, но ты, как шкипер, оказался проворнее и ловчее всех; сразу разнюхал, где и с кем тебе будет счастливее, штурвал крутанул смело и в нужную сторону.

– Знаете ли...

Новый правитель прервал: он не любитель слушать чужие разглагольствования, он любит, чтобы другие внимали ему.

– Ловок, ничего не скажешь, ловок... Видел, как твои меткие хуки справа и хуки слева чувствительно бьют по старому правителю, бьют по самому больному его месту.

– Не хотел... Как-то само собой получалось...

– Не оправдывайся... Не стоит, ибо одобряю и приветствую... За что ценю... Я и сам с отвращением смотрел на происходившее в той «семье»...

– Но...

– Да, молчал... Тактику такую выбрал... Дал возможность таким, как ты, высказаться, самоопределился... Мне надо было понять, с кем ты, товарищ, и на чьей платформе стоишь.

– И... поняли? – зондируя почву, осторожно спросил мужичок в кепке.

– Из наших ты...

– То есть... Ну...

– Ты, как и я, на дух не переносишь дерьмократов и либералов.

– Да я бы... Да если бы... Всех их, как клопов, передавил!

По скукоженному лицу нового правителя пронеслась молнией ядовитая ухмылка.

– Придет время – всех, по одному перешелкаю.

Услышав этакое откровение из уст нового правителя, мужичок в кепке возрадовался и почувствовал себя счастливее прежнего. Потому что понял, что птицу удачи, именуемую еще *фортуной*, он вновь крепко держит в своих руках. Поверил, но боялся, что все это всего лишь сон, а не реальность. Вот это напрасно: новый правитель явно стал демонстрировать и с первых же шагов суровую реальность. Окончательно уверовав, что дело имеет не с мистификацией, мужичок в кепке развернулся во всю ширь своей широкой натуры. Ему в этом никто не мешал, да и если бы посмел кто с ним бодаться, получил бы по рогам – со стороны нового правителя-единомышленника, который привык в доску своих не сдавать, чего бы ему это ни стоило. За ценой не стоял, не стоит и стоять не будет. И это вызвало у мужичка в кепке особое почтение, можно сказать, даже преклонение, ибо сам был таким.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.